

О- 784460

На правах рукописи

Сорокина Оксана Васильевна

**МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И КОНСТРУКЦИИ
В ТУРЕЦКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары 2010

Работа выполнена на кафедре чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова»

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор В.И. Сергеев

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор Г.Е. Корнилов

кандидат филологических наук
Э.Е. Лебедев

Ведущая организация: Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Защита состоится 29 июня 2010 г. в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03 при ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, 38/1, ауд. 434.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», с авторефератом – на официальном сайте Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан «27» мая 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000610405

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

 А.М. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена изучению категории модальности в двух родственных языках – турецком и чувашском, в которых средствами выражения модального значения являются специальные слова и грамматические конструкции с модальной семантикой.

Актуальность исследования. Модальность является одной из наиболее часто обсуждаемых тем в работах последних лет как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Семантика модальности рассматривалась в рамках разных лингвистических парадигм и подходов – лексико-семантического (Е.В. Гулыга), семантико-синтаксического (Г.П. Немец, В.Н. Ярцева), контекстно-семантического (А.В. Бондарко, И.В. Прокофьева), коммуникативно-синтаксического (Н.Е. Петров), логического анализа языка (М.К. Сабансева, Н.Д. Арутюнова), лингвистики текста (В.Г. Гак, Е.В. Клобуков), анализа диалога (Г.В. Колшанский, Е.И. Беляева), дискурс-анализа (М.В. Зайнуллин, М.М. Гухман, И.П. Распопов) и т.д. Модальные слова и конструкции, особым образом встраиваясь в структуру дискурса, обеспечивают полноценную речевую коммуникацию, сущность которой заключается в том, что пропозициональное содержание высказывания в дискурсивном пространстве отягощено эксплицитной или имплицитной модусной составляющей.

Объектом исследования являются модальные слова и конструкции в чувашском и турецком языках, **предметом** – строевые и функциональные характеристики модальных слов и конструкций.

Цель исследования – комплексное сопоставительно-типологическое описание модальных слов и аналитических конструкций с модальной семантикой в турецком и чувашском языках, выявление общего и особенного в их функционировании в дискурсе.

Конкретные **задачи** работы состоят в следующем:

1) систематизировать важнейшие теоретические положения, затрагивающие типичные свойства и основные аспекты проявления модальных отношений, включая такие вопросы, как представление общей категориальной сущности модальности, инвен-

тарифизация основных типов модальных значений;

2) проанализировать принципы выделения, состав и дифференциацию лексических средств выражения модальности;

3) описать корпус модальных слов на примерах в турецком и чувашском языках;

4) составить полный список аналитических конструкций, содержащих модальный квалификатор;

5) описать специфику семантики каждой модально-аналитической конструкции (МАК).

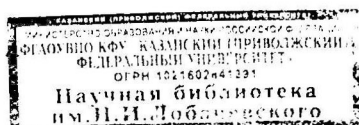
Теоретической основой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных лингвистов по общей и тюркской модальности и частным вопросам синтаксиса языков разных систем (В.Г. Адмони, Ш. Балли, А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Т.И. Дешериевой, Г.А. Золотовой, М.В. Зайнуллина, Г.В. Колшанского, Н.Е. Петрова, П.А. Леканта, В.З. Панфилова, Г.П. Немеца, А.М. Пешковского, В.С. Храковского, Л.С. Ермолаевой, П.А. Леканта, И.И. Мещанинова, М.Р. Федотова, М. Эргина, Н. Хаджиеминоглу, Т. Бангуоглу).

Материалом исследования послужили предложения и фрагменты текстов из художественных произведений современных турецких и чувашских писателей, а также данные толковых, двуязычных, этимологических и фразеологических словарей. Общий объем собранного материала составляет более 3000 примеров.

Основным методом исследования является сопоставитель-но-типологический, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения и лингвистические методы контекстуального и компонентного анализа.

Научная новизна диссертации состоит в системном сопоставительно-типологическом анализе лексико-грамматических средств выражения модальности в турецком и чувашском языках, включая корпус специальных МАК, дифференцируемых по типу выражаемых ими значений.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований различных видов модальности. Иллюстративный языковой материал может быть полезным для разработки теории языковых универсалий и уникалий.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее основных положений в речевой коммуникации, при составлении учебных пособий, практикумов, а также при разработке спецкурсов, посвященных проблеме модальности.

Соответствие содержания диссертации специальности, по которой она рекомендована к защите.

Представленная диссертационная работа является прикладным исследованием закономерностей функционирования модальности турецкого и чувашского языков.

Указанная область исследования соответствует формуле специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, по следующим указанным в паспорте определениям: «разработка и развитие языковедческой теории и методологии на основе изучения генетически связанных родственных языков и установления соотношения между родственными языками и описания их эволюции во времени и в пространстве»; «изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними»; «исследование и описание языка через его системное сравнение с другими языками с целью пояснения его специфичности»; «выявление различий между двумя сравниваемыми языками».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Модальность как языковое явление охватывает систему языка в ее структурном, семантическом, лексическом, функционально-прагматическом и когнитивном аспектах. Системное описание семантики модальных слов представляет область модальной оценки, объединяющей модальные значения и оттенки, которые передают единый тип модальных отношений и обладают собственными единицами выражения.

2. МАК образуют сложную систему, состоящую из нескольких подсистем, которые имеют полевую структуру. Центр каждой подсистемы занимает конструкция с самой общей семантикой возможности, необходимости, вынужденности, желания, намерения, которая в разных контекстах может передавать все отдельные оттенки общей семантики. Периферию составляют аналитические конструкции с конкретными модальными значениями.

Система характеризуется многозначностью единиц, которые своими вариантами могут входить в разные подсистемы. Внутри системы существуют синонимические и антонимические отношения.

3. В современном турецком и чувашском языках модальные значения передаются разноуровневыми языковыми средствами, значительную часть которых составляют лексико-грамматические средства. В современном турецком языке модальные слова и словосочетания являются более продуктивными, чем таковые в чувашском языке.

4. По типу грамматической формы первого компонента МАК представлены двумя структурными типами: причастными и инфинитивными. В турецком языке выделяются аналитические конструкции, основным компонентом которых выступает форма условного наклонения на *-sa* / *-se*. Конечным компонентом МАК являются именные и глагольные модальные предикаты.

Апробация работы. Содержание диссертационного исследования докладывалось на научно-практических конференциях ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова», Чувашского государственного института гуманитарных наук. Основные положения диссертации изложены в шести публикациях, в том числе в журнале, рекомендованном ВАК.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 211 названий, и списка использованной художественной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяются предмет и объект исследования, ставится цель и обозначаются задачи диссертационного исследования, перечисляются использованные в работе методы исследования, указывается ее теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Модальность как лингвистический феномен» излагается краткая история изучения модальности в русском, западноевропейском и тюркском языкознании. Общие теоретические основы категории модальности, выражающей «отношение сообщения к действительности, устанавливаемое

с точки зрения говорящего лица», в советской лингвистической науке разработаны академиком В.В.Виноградовым¹.

В западноевропейской лингвистике основоположником современной концепции модальности является Ш.Балли, по мнению которого модальность – это «психическая операция, производимая мыслящим субъектом над представлением, чувствами, памятью или воображением»². Выделение в структуре высказывания модусной и диктумной частей продолжает оставаться актуальным и для современного языкознания. Если диктум отображает фактическое положение дел, объективную информацию о ситуации, то модус выражает позицию говорящего по отношению к диктуму³.

В тюркском языкознании наибольшее распространение получила «широкая» трактовка понимания модальности, в соответствие с которой под модальностью понимают «отношение говорящего к действительности, содержанию речи, собеседнику, самому себе, обстановке и построению речи»⁴. В число модальных значений включается также эмоционально-экспрессивная оценка сообщаемого.

Широкая трактовка модальности в тюркологии представлена якутоведом Н.Е.Петровым, который выделяет следующие типы модальных отношений: 1) отношение говорящего к содержанию всего высказывания с точки зрения интеллектуальной оценки его достоверности; 2) отношение говорящего к предикативному признаку высказывания; 3) эмоциональное отношение говорящего субъекта, отражающееся в содержании его высказывания; 4) волевое отношение говорящего к своему собеседнику или к самому себе; 5) стилистические и логические пояснения, уточнения оговорки относительно формы изложения речи и содержания излагаемого факта; 6) отношение говорящего к целевой направленно-

---

¹ Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 80.

² Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – С. 137.

³ Там же, с. 149.

⁴ Закиев, М. З. Синтаксический строй татарского языка / М. З. Закиев. – Казань, 1963. – С. 52.

сти речевого общения⁵.

Согласно «узкому» подходу модальность считается грамматизированной категорией, характеризующей ту или иную степень реальности или нереальности содержания высказывания. Сторонники этого подхода выделяют «объективную модальность, выражающую отношение высказывания к действительности в плане возможности, действительности или необходимости, и субъективную модальность, показывающую степень уверенности говорящего в достоверности высказываемого»⁶. Круг модальных значений в языке весьма представительен, нежели модальные значения в логике, признающей всего три вида модальности – возможности, действительности и необходимости. Обширный круг модальных отношений и значений в каждом из языков имеет специальные средства выражения. Среди этих способов ведущее место занимает морфологически выраженная экспликация модальности с помощью глагольных наклонений, которые принято считать в качестве грамматической основы модальности, ибо они выражают модальность в наиболее абстрагированной и обобщенной форме, как со стороны формы, так и со стороны содержания, тогда как лексические средства выражения модальности и по широте своих функций, и степени их грамматикализации составляют наиболее подвижную ее часть⁷.

В чувашском языкознании к теме модальности впервые обратился М.Р.Федотов, считавший, что задача исследования модальности сводится к изучению модальных значений лексических, грамматических, интонационных средств языка, которые означают отношение всего высказывания или предложения к реальности⁸.

Большое значение для дальнейшей разработки теории модальности в тюркологии имели работы Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Б.А. Серебренникова, М.З. Закиева, М.Ш. Ширалиева, А.А. Юлдашева, Н.З. Гаджиевой, Н.Г. Агазале, Ф.Р. Зейналова, С.Н. Иванова, И.А. Андреева, Е.И. Коркиной,

---

⁵ Петров, Н. Е. Модальные сочетания в якутском языке / Н. Е. Петров ; АН СССР, Сибир. отделение, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – М. : Наука, 1988. – С. 9 – 10.

⁶ Арама, Б. Е. Интонация и модальность / Б.Е.Арама, А. М. Шахнарович. – М., Тамбов. 1997. – С. 14.

⁷ Никитевич, В. М. Грамматические категории в современном русском языке / В. М. Никитевич. – М. : Учпедгиз, 1963. – С. 17.

⁸ Федотов, М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1963. – 121 с.

А.Н. Нурмахановой, Н.Е. Петрова, Г.Г. Саитбатталова, З. Коркмаз, Т. Бангуоглу, Х. Неджметтин. Авторы акцентируют внимание на необходимости и важности исследования в тюркских языках корпуса лексико-грамматических средств выражения модальности, ибо модальные слова и модальные частицы и междометия постоянно взаимодействуют с грамматическими средствами выражения модальных значений. В одних случаях они усиливают или ослабляют модальность предложения, выраженную наклонениями глагола, в других – лексические средства видоизменяют модальность предложения. Многие модальные слова, в том числе все вводно-модальные, образовались в результате модалации, то есть перехода различных полнозначных слов в разряд модальных⁹. Модальные слова в работах дореволюционных тюркологов не рассматривались в качестве самостоятельной части речи. Отдельные модальные слова изучались в составе наречий, союзов и частиц¹⁰.

Большинство советских тюркологов рассматривают модальные слова в качестве самостоятельной части речи (С. Саидов, Ф.А. Ангели, Е. Жанпеисов, И.П. Павлов, М.Р. Федотов). В работах тюркологов строевая и функциональная природа модальных слов получает различную, а порой и противоречивую интерпретацию, главным образом касающуюся состава модальных слов, их семантической классификации, взаимоотношений модальных и вводных слов, а также критериев выделения их в самостоятельную часть речи.

Во второй главе **«Лексико-синтаксический способ выражения модальности в турецком и чувашском языках»** модальные слова в по лексическому составу, семантическому содержанию и функционированию в предложении рассматриваются в качестве самостоятельной части речи. Автор относит модальные слова к двум типам: а) собственно модальные; б) слова с номинативным значением, которые могут использоваться для выражения модальности.

---

⁹ Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М., Л., 1948. – С. 131.

¹⁰ Самойлович, А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики / А.Н. Самойлович. – Петроград, 1916. – С. 30.; Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: ч. 1. / Н.И. Ашмарин. – Казань, 1903. – 574 с.; Ашмарин, Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: ч. 2. / Н. И. Ашмарин. – Симбирск, 1923. – 282 с.

Представляется возможным выделить следующие группы модальных слов:

1. Модальные слова, указывающие на степень достоверности сообщаемого, выражающие утверждение, подтверждение и отрицание:

1.1. тур. *açıkçası, hakikaten* ‘откровенно говоря, в самом деле, поэтому, потому, поистине, действительно’; *Hakikaten bizim keçeydi. Bir sedirin üzerinde oturuyordu* (N.Karaman) ‘В самом деле наш войлочный ковер висел на одной софе’; чув. *чән, чән та, чәнахах, чәнах та. Чән та, чи таса юрату виләмрен вайләрах* (А.Артемьев) ‘В самом деле, чистая любовь сильнее смерти’; *Чән, виçе ывъл уйән, анчах халё вёсем çинчен кала-масть въл* (А.Артемьев) ‘Действительно, трое сыновей у него, однако он сейчас о них не говорит’;

1.2. тур. *değil mi, değil* ‘не так ли?, не’ *Bu konuda söz söylemek bana değil, size düşer* (N. Karaman) ‘На эту тему говорить не мне, а вам придется’; *Eski bir köşeye çekilmiş hayatımız daha tatlı değil miydi?* (N. Karaman) ‘Наша (букв. в старый угол загнанная жизнь) ушедшая жизнь все же слаще не была ли?; *Sevginizi göstermenin yolu yalnızca boynunuza sarılıp öpmek değildir* (N. Karaman) ‘Проявить нежность и любовь, не значит лишь обниматься за шею и целовать’; чув. *мён каласси нур, мён каламали нур ёнтё, мар-ске-ха, мар* ‘не, не так же, да что там говорить’; *Тепёр енчен тата въл çапах та куçараканән шухәшё мар-ске-ха* (Ф. Уяр) ‘С другой стороны, это суждение вовсе не переводчика’;

1.3. тур. *doğru, doğrusu, doğrusunu söylemek gerekirse, daha doğrusu, doğrudan doğruya* ‘поистине, в самом деле, действительно, правильно, верно, безошибочно, справедливо, честно, правдиво, прямо, по правде говоря, откровенно говоря’: *Doğru, aslında doğru bir düşünce* (N. Karaman) ‘Действительно, верная мысль’; чув. *чәннипех каласан, чәнне калатән, туррипех каласан, тёрёссине каласан* ‘по правде говоря, если сказать правду, действительно, честно’: *Туррипех каласан, кун пек çанталәкра ырә хуça йыттинне те тула кәлармасть* (А. Артемьев) ‘По правде говоря, в такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выпустит’;

1.4. тур. *evet* ‘да, конечно, разумеется’; *Evet, dedi Can. Böyle*

bir teklife karşı ters bir tepki göstermek hem düşüncesiz, hem de haksızlık olur (K. Tuğcu) ‘«Да, — сказал Джан. — Будет несправедливо и неблагородно сопротивляться такому предложению»; чув. *çapla çav, çav, çavā kâna, çapla* ‘да, конечно, разумеется’; *Tepër енчен тата пайшарханмалли те пур çав* (Н. Ильбек) ‘С другой стороны, есть из-за чего беспокоиться’;

1.5. тур. *nihayet, neticede* ‘конец, наконец, в конце концов, по крайней мере’: *Nihayet bahçıvanı, benim takibime temur ettiler* (R. Güntekin) ‘Наконец, назначили садовника под мою ответственность’; чув. *пёреххут* ‘уж, все равно, заодно уж, ладно уж, в конце концов, по крайней мере’: *Кёнеке вырăнне илесчĕ пёреххут, пёр-пёр сысна çури, Раштавра какайлă пуллă пулаттăмăр* (А. Талвир) ‘Вместо книги по крайней мере купил бы какого-нибудь поросенка, и в Рождество были бы с мясом’;

1.6. тур. *imdi / emdi* ‘böylece, böyle’ ‘итак, так, таким образом, следовательно, стало быть, значит, и вот, же’: *Sakin emdi e kardaş çıktı yoldan* (N. Naciemiñoğlu) ‘**Стало быть**, ни в коем случае, товарищ, не сойди с пути’; чув. *апла* ‘стало быть; значит’: *Тивес мар айна, апла та ёнер тетёшĕ пит хытă хёнерĕ* (Ашм.) ‘Его не надо трогать, **и без того уже** вчера старший брат побил’;

1.7. тур. *sahiden* ‘действительно, в самом деле’; чув. *эрне*: *Эрне, шурă пўрт хура пўртрен хаклăрах тăрать* (Ашм.) ‘В самом деле, белый дом дороже черного’;

1.8. тур. *peki* ‘хорошо, ладно, пойдет’; чув. *юрать-ха, пырать, юрĕ* ‘хорошо, ладно, пойдет’: *Юрать-ха, пулли пёр виçĕ сантиметр çўлерех кайнă, атту каскă та çăлайматчĕ* (Л. Агаков) ‘Хорошо, что пуля прошла на три сантиметра выше, иначе и каска бы не спасла’;

1.9. тур. *elbet (elbette), tabiatıyla* ‘естественно, совершенно естественно, само собой разумеется’; *tabii* ‘разумеется, естественно’; *tabiidir ki* ‘конечно, разумеется, естественно’: *Tabii bütün insanların düşüncelerinde olduğu gibi, iyi ve kötü taraftar olduğunu görecek, doğru ve yanlış noktaları fark edeceksiniz* (N. Karaman) ‘Естественно, в подсознании, как у всех, вы будете замечать положительные и отрицательные стороны, правильные и ошибочные моменты’; чув. *эрне, пасса, паллах* ‘ведь же, даже, конечно, естественно’;

1.10. тур. *işte* ‘вот, итак, так, именно, как раз, ведь’; *İşte o zaman, bu adamın başkalarını düşünmeyen, bencil, aç gözlü birisi olduğunu anlayan peri kızı, önceki verdiklerini de adamın elinden alıp, onu yine eski yoksul hayatına göndermiş* (N. Karaman) ‘Вот тогда русалка поняла, что этот человек не умеет думать о других, самовлюблен, с жадными глазами, она отобрала то, что ему подарила, и вернула все в прежний вид’; чув. *вѣт* ‘ведь, же’: *Тылѣ тус, эсѣ мана улталарăн вѣт, çиен вѣт сана* (Ашм.) ‘Ты же меня обманула, лисица-кума, съем ведь тебя’;

1.11. тур. *belli ki, belli* ‘ясно, явно, очевидно’: *Çımacı, ileride kolumun yeniyle terini siliyordu. Belli ki bu karışıklıkta kaptandan çok yorulmuştu* (N. Karaman) ‘Отдающий швартовы матрос вытер пот рукавом рубашки, очевидно, в этой суматохе он устал больше капитана’; чув. *паллă, паллах ėнтĕ* ‘очевидно’, *XVIII ėмĕрĕн 30-40-мĕш çулĕсенче çeç куçса килсе ларма тытăннă та хăйсен ялĕсене, паллах ėнтĕ, чи шлемĕ вырăнсене, шыв-шур çывăхне, вильăх апачĕ тупма çăмăлтарак çĕрсене лартма тытăннă* (Ф. Уяр) ‘Лишь в 30-40 годы XVIII века стали заселять эти места, занимая под села самые красивые, ближе к половодье и корму для скотины’;

1.12. тур. *zira (zira ki), zîrâ / zîrâ ki / zîrâ kim* ‘так как, ведь, ибо, потому что’. Модальное слово *zira* восходит к арабской форме *زيرا* со значениями ‘потому что, так как, ведь, ибо’ и распространено в западном диалекте турецкого языка: *Deniz kadın gibidir, hiç inanmak olmaz ha. Kendisi de bu değişiklikten hayrete düşmüş gibiydi zîrâ çehresinde şaşırmış veya ürkmüş bir çocuk hali vardı* (N. Nacieminoğlu) ‘Море похоже на женщину, ему вовсе не стоит верить, ха-ха. Он и сам был в ярости, когда заметил такое изменение, потому на его лице отразился детский испуг и удивление’;

1.13. тур. *tövbe* ‘раскаяние, покаяние, зарок’; чув. *тупата, тупата туршăн*. Чувашское *тупата* восходит к арабской форме *توبة* ‘покаяние, раскаяние, исправление’: ср. чув. *тупа ту*; тур. *tövbe kıl-* ‘каяться, зарекаться, заклаться’. Теперь модальное слово *тупата* означает эмоциональное подтверждение истинности, неподдельности действий, событий и явлений и соответствует русским словам ‘честное слово, истинно, точно, правда, право, ей-богу’: *Икĕ хутлă чул çурт латрĕ те рехетленсе кăна пурăнать тупата* (Н. Ильбек) ‘Построил двухэтажный камен-

ный дом и живет себе, *право*, припеваючи’.

Турецкие утвердительные предложения, выступающие ответом на вопрос, могут выражаться одним утвердительным модальным словом *evet* ‘да’, *gerçekten* ‘воистину’, *şüphesiz* ‘несомненно’, *hakikaten* ‘действительно’, *peki* ‘очень хорошо’, *hayhay* ‘да, да’, *tabii* ‘естественно’, *mutlaka* ‘неприменно’, *muhakkak* ‘несомненно’, *elbette* ‘обязательно’, *behemehal* ‘во что бы то ни стало’, *vallahi* ‘ей-богу’, *tamamıyla* ‘вполне’, *tamam* ‘ладно’, *doğru* ‘правда’.

Модальное слово *değil* ‘не’, ‘нет’ в предложении выражает отрицательную модальность и обычно располагается в постпозиции по отношению к именному или глагольному сказуемому повествовательного предложения. При этом оно присоединяет к себе аффиксы глагола-связки и лица, т.е. те же форманты, которые присоединяются к спрягаемым именам. Модальное слово *yok* ‘нет’ может образовывать отрицательную модальность в предложении, выступая в качестве знаменательной части именного сказуемого со значением ‘нет’, ‘не имеется’, ‘отсутствует’.

Чувашское *мар* восходит к *эмес*, т.к. соответствие *p~c//z* в тюркских языках является обычным не только в корнях слов, но и аффиксах. Лексико-грамматическое значение слова *мар* выражает категорическое отрицание при именах, подобно турецкому *değil*, однако модальность чувашского *мар* выявляется очень четко в сочетании его с глаголом 3 лица в отрицательной форме.

2. Модальные слова, выражающие значения необходимости, долженствования:

2.1. тип. *asla*, *bi-gümân*, *ne demek*, *sade (sadece)*, *hergiz*, *gerek (gerekir)* ‘а) нужно, необходимо, надо; б) необходимость, нужда, надобность, потребность’; *gereksiz* ‘ненужный, бесполезный, никчемный’: Модальное слово *gerek* (в чув. *кирлӗ*) со значениями ‘нужно, необходимость, надобность, нужда, потребность’ зафиксировано почти во всех тюркских языках и по своему происхождению является исконно тюркским: *Bırak şu adamı kayıkçı olan adamın yüzme bilmesi gerek* (N. Karaman) ‘Да брось ты этого человека, раз лодочник, должен уметь и плавать’; чув. *кирлӗ (кирлех)* ‘надобность, необходимость’; *кирлӗ чухне* ‘по необходимости’; *кирлех те мар пулӗ*, *кирлӗ мар* ‘нет необходимости, нет надобности, может, даже нет необходимости; может, и не надо’: *Băl*

анланма **кирлех** мана. Мёнке йӓлкӓйиса кулчӓ вӓл пӓӓр (А. Артемьев) ‘Он должен меня понять. Как широко улыбался он тогда’;

2.2. тур. *gereksinme var, gereksinim* ‘необходимость’; *gerektirim* ‘необходимость, взаимосвязь, взаимосвязанность, потребность’; чув. пулмалла, **тивет** ‘необходимо, потребно, должно быть’: *Хамӓн ӓывӓх тус-юлташ, ӓӓваш халӓх поэӓӓ Алекса́ндр Егорович Алга ӓинчен каласа кӓтартма та вӓрӓӓченхи вӓхӓтран пушлама тивет* (Л. Агаков) ‘Рассказ про близкого друга чувашского народного поэта Александра Егоровича Алга придется начать с довоенного времени’;

2.3. тур. *lâzım, lâzım ki* < араб. لازم ‘необходимый, нужный’: *Ders çalışman lâzım, sen çene çalıyorsun* (N. Karaman) (букв. ‘Ты должен заниматься, а ты подбородком играешь’) ‘Вместо того, чтобы заниматься, много говоришь’.

В турецком языке для выражения модального значения необходимости и долженствования наряду с модальным словом *gerek* употребляются и другие модальные слова: *lâzım, lüzûm, mecburiyet, behemehâl* (араб.), *kesinlikle, ne demek* со значениями ‘в обязательном порядке, обязательно, во что бы то ни стало, в любом случае, что бы ни случилось, явный, достоверный, непременно, абсолютно, определенно, несомненно’.

3. Модальные слова со значением предположения, неопределенности, неуверенности и сомнения:

3.1. тур. *ille; illâ (illâ ki, illâ kim)* < араб. ٤ ‘разве что, может быть, или, неизвестно, что; во что бы то ни стало’: *Beni senden kimse ayıramaz illâ ecel* (N. Hacıminoğlu) ‘Никто меня с тобой не разлучит, разве что смерть’; чув. элле ‘разве что, может быть, или, неизвестно, что’: *Чӓнах та, эӓӓ ӓав псалом кунне виӓӓ хут мар, элле, алӓӓ хут вула пуӓларӓм* (Ашм.) ‘В самом деле я этот псалом в день не по три раза, быть может, начал читать по пятьдесят раз’;

3.2. тур. *galiba* ‘вероятно, по всей вероятности, очевидно, наверное, должно быть, кажется, видимо’: *Geldiğimin, galiba, beşinci sabahı idi* (N. Karaman) ‘Наверное, было пятое утро с моего приезда’; чув. тем, тен, темён, -тӓр (-тӓр), муш ‘может быть; темён ‘пожалуй, невесть что, бог знает что’: *Эӓӓ ӓывӓӓ юласси темён* (Ашм.) ‘Сомневаюсь, останусь ли жив’; *Унта ӓитме пӓр километрах пулмасан та, ӓурри ытла пурах-тӓр* (Ф. Уяр) ‘Чтобы дойти до места, если даже

и километра не будет, *наверняка*, больше половины;

3.3. тур. *güyâ / güyâ ki* ‘как будто, говорят, мол’: ‘*Как будто* в ладони он хотел скрыть некую истину’; чув. *ахъртнех, ахър, имеш* ‘будто бы; говорят, что’. Слово *имеш* восходит к древнетюркской причастной форме *armiş*. В слове *имеш* аффикс *-меш* отдельно не ощущается, и слово в целом передается русскими ‘будто, будто бы, дескать, говорят, якобы, видимо, передают (слышно), что’. Аффикс *-mîş* в приведенной турецкой форме *Imîş* весьма интересно сопоставить с чувашским аффиксом *-мăш, -меш, -миш*: образующим, как это назвал Н.И. Ашмарин, отрицательные причастия типа *пĕлмеш (пĕлмиш)* ‘*будто не знаешь*’, *илтмеш (илтмиш)* ‘*будто не слышишь*’, *курмăш (курмиш)* ‘*будто не видит*’ и т.д. Значения их в части модальной совпадают, – они выражают в общем не вполне достоверное действие, т.е. субъективное отношение к высказыванию, хотя чувашская форма на *-мăш, -меш*, кроме модального значения, содержит отрицание, чего нет в турецком языке. Чувашское *ахър* арабского происхождения آخر ‘последний’. У Н.И. Ашмарина мы находим весьма подробное объяснение выражения *ахър самана* и других слов, образованных с помощью *ахър* ‘вероятно, наверно, по всей вероятности, должно быть, надо думать (предполагать), что’: *Петр Петрович, эсĕ имеш татах вырăнсăр тăрса юлтăн теççĕ, вăл хыпар тĕрĕс-и?* (Ашм.) ‘Петр Петрович, *говорят (мол)* ты снова остался без места, это правда?’; *Мĕн ачаран колхозра ёçлесе ўснипе ахър яланах тăван яла аса илетĕп* (В. Садай) ‘Должно быть, оттого что вырос в колхозной работе с самого детства, часто вспоминаю родную деревню’;

3.4. тур. *nâfile* 1) ‘напрасно, тщетно, зря’; чув. *кăлăхах, ытахаллĕн / ытахаль* ‘напрасно, зря, даром, попусту’;

3.5. тур. *ola ki / ola kim, olmaya ki / olmaya kim, olsa* ‘в крайнем случае, в худшем случае’: *olsa-olsa* ‘самое большое, максимально, в крайнем случае, в худшем случае’: *Olsa-olsa şükran duası olacak* (N. Nacieminoglu) ‘В крайнем случае, будет молитва благодарности, признательности’; чув. *пулсан пулĕ (пулсан пулать)* ‘в крайнем случае’: *Инçе те мар ёнтĕ вĕсем, пулсан пулĕ пĕр тăватçĕр метр* (Л. Агаков) ‘Они уже недалеко, в крайнем случае, в четырехстах метрах’;

3.6. тур. *sanki* а) предположение: предположим, что; допус-

тим, что; б) сравнение, сопоставление: *словно, будто, как будто, якобы, оказывается, допустим (предположим)*: *Gazete okumayan, TV seyretmeyen insanın sanki dünya ile ilişkisi kesiliyor* (N. Karaman) ‘Человек, который не смотрит телевизор, не читает газету, *словно* отрывается от реального мира’; чув. *иккен, имёш, мён* ‘оказывается, *словно*’: *Хушайлара туй иккен, туйё ытла шеп иккен* (К. Иванов) ‘В Хужалге, *слыхать* пируют, пир-то, *кажется*, горой’;

3.7. тур. *demek, demek ki (bu demektir ki)* ‘стало быть, значит, следовательно, выходит, оказывается’; чув. *тем, теççё, темелле* ‘говорят, передают, ходят слухи, будто бы, стало быть, оказывается’; чув. *чанласах* ‘*словно, будто, как будто, в самом деле*’. В турецком языке широко используются модальные слова, которые восходят к арабской форме: *âdeta, acaba* ‘неужели’ 1) ‘..не ли, почти (что), едва, чуть не, просто’; 2) ‘обычно, обыкновенно’; *bâhusus/ bâhusus ki, bilhassa ki, bilakis* ‘наоборот, напротив, совсем нет’: *bâhusus / bâhusus ki ‘bile, dahi* со значением ‘даже, и при этом, и к тому же, вдобавок, однако же’: слово *hattâ* *حتا* имел свое распространение и в османском языке: *ma’mâfih / ma’amâfih* *معافى* в современном турецком языке встречается в некоторых диалектах со значением ‘*в особенности, особенно, главным образом, преимущественно*’: *Mâmâfih emredersiniz, hemen yarın Seliha’yi çağirtırız* (N. Nacieminoğlu) ‘Если *изволите* приказать, завтра тотчас же попросим вызвать Селиху’; *velâkin / velikîn* ‘*предположительно*’. В современном турецком литературном языке слово *velikîn* не встречается, а форма *velâkin* *ولان* редко употребляется в письменном языке.

Из ЛСГ, связанной с выражением предположения, неуверенности и сомнения, в турецком языке активными являются модальные слова *galiba, güya, halbuki, sanki*. Их чувашскими эквивалентами выступают *ахър, ахъртнех, тем, тен, иккен, имёш, мён*. Значение слова *мён* совпадает со значением модального слова *иккен*: в обоих случаях говорящий констатирует действие, о котором он знает понаслышке, заочно. Слово *тем* выступает как модальное, когда говорящий о предмете речи высказывается осторожно, сомнительно, неуверенно, уклоняясь от категорического утверждения. Значительное количество слов, заимствованных с арабского языка, относящиеся ко всему высказыванию в целом, придают действию или явлению степень неопределен-

ности, неуверенности и сомнения. Например, таковым в чувашском языке является слово *элле* (араб.) ‘разве, может, неизвестно’.

4. Модальные слова, со значениями возможности, невозможности:

4.1. тур. *benzer, benzer ki* ‘похож, подобно, подобно тому, кажется’: *Beñzer yakınlarında yatur âhû gördiler* (N. Hacıeminoğlu) ‘Похоже, поблизости они увидели лежащую дикую козу’; чув. *курăнать, пулатъ те* ‘похоже; кажется’;

4.2. тур. *ihimâl / ihtimâl ki, büyük / küçük bir ihtimalle, her ihtimâlê karşı* ‘возможность, вероятность, возможно, что; большая вероятность, маловероятно, на всякий случай’; чув. *май нур* ‘возможность, вероятность, похоже’; *май сук* ‘невозможно’: *Хăш чух тăшман ун-кинчен вĕçерĕнсе тухма та май сук пек туйăннă* (Л. Агаков) ‘Иногда казалось, что нет возможности вырваться из вражеского круга’;

4.3. тур. *olası / olasal* ‘возможный, вероятный’; *olur* а) ‘возможный, вероятный, б) ‘хорошо, ладно, согласен’; *olmaz* ‘невозможный’; *ola ki* ‘возможно, может быть’; *olduğu kadar* ‘насколько это возможно’; ‘по мере возможности’; *olurluk* ‘возможность’; *olabilir ki* ‘возможно, что...; может случиться, что...’: *Olabilir ki içinizden bazıları, eski terbiye anlayışına sadık kalırlar* (N. Karaman) ‘Возможно, среди вас некоторые хранят верность прежним традициям воспитания’; чув. *пулĕ (пуль, пулас, пулмалла)* ‘возможно, наверно, вероятно, чай, пожалуй, авось, может быть’: *Çитĕ калаçса ларни, киле каймалла пулĕ* (А. Талвир) ‘Будет сидеть и разговаривать, пожалуй, надо идти домой’; *He будь у него больших недостатков, у него не было бы и больших достоинств, тесе шăп кăна Еккĕм пек çынсем çинчен каланă пулас* (Ф. Уяр) ‘Не будь у него больших недостатков, не было бы и больших достоинств, наверное, говорили как раз о таких людях, как Еккĕм’;

4.4. тур. *şâyed<араб. شاية* ‘быть может, авось, вероятно, возможно, пожалуй’; чув. *шет* ‘быть может, авось, вероятно’: *Шет, кăçал килсе курма сулне çитерĕ* (Н. Ильбек) ‘Быть может, в этом году он и придет к нам’;

4.5. тур. *mümkün* ‘возможный’; *mümkün mertebede* ‘по мере возможности’; *pek mümkünüdür* ‘вполне возможно’; чув. *май килнĕ таран* ‘по мере возможности’: *Хăйсем пĕтес умĕн май*

килнĕ таран сыртса юлма тăрăшаççĕ, пурпĕрех мĕскĕнсен пĕтмеллех **пулать** (А. Артемьев) ‘Перед гибелью *по мере возможности* сами стараются успеть схватывать, но все равно бедняжкам *придется* погибнуть’;

4.6. тур. *imkân* ‘возможность, благоприятный случай, удобный момент, счастливая случайность’: *İnsanların durdukları yerde bir şey yapmalarına ve talihli olmalarına hiç imkân var mıdır?* (N. Karaman) ‘Есть ли *возможность* у людей чем-то заняться находясь в неподвижном состоянии и при этом быть удачливыми и преуспевающими’; чув. *тўр кил* (*тўр килсен*) ‘благоприятный случай, удобный момент’.

Модальные слова *benzer*, *benzer ki* (< *benzemek* ‘походить, быть похожим, быть подобным’) в чув. ~*курăнать*, *пулать те* – глагольные формы, потерявшие свое номинативное значение употребляются в модальной функции. Модальные слова *ihtimâl*, чув. *май* (*пур*) может осложняться другими морфологическими показателями. Различные модальные характеристики, взаимно дополняя друг друга, служат для модальной экспрессии того слова, к которому они относятся.

Чувашское *пуль* / *пулĕ*, *пулас*, *пулмалла* являются присказуемыми модальными словами, поскольку нельзя говорить о свободном, независимом поведении модального слова, о несвязанности его с каким-нибудь членом предложения.

Только конструкция или модель в целом, состоящая из сочетания с первым переменным и вторым постоянным элементом (*пуль* / *пулĕ*, *пулас*, *пулмалла*) выражает модальное значение предложения, т.е. значение модальности выражается не лексемами, входящими в данное словосочетание, а самой моделью аналитической конструкции.

Турецкое *şâyed* и чувашское *шет* персидского происхождения, относится ко всему высказыванию в целом и придает ему субъективную оценку вероятности, возможности и предположительности.

Наряду с исконно турецким *mümkün* (отрицательная форма слова *mümkün* образуется при помощи слова *değil* ~ *mümkün değil* ‘невозможно’) активной формой лексического способа выражения модальности возможности и вероятности является модальное слово арабского пласта *imkân*.

В третьей главе рассматриваются модально-аналитические конструкции в турецком и чувашском языках. Сравнимые языки располагают богато представленной в них системой аналитических конструкций с модальной семантикой. Выявленные и описанные модальные аналитические конструкции являются основным грамматическим средством выражения модальных значений возможности, необходимости, вынужденности, желания, достоверности. По структуре модальные значения в турецком и чувашском языках выражаются причастными, инфинитивными МАК. В результате анализа было обнаружено, что в турецком языке причастные конструкции со служебным компонентом *ol-* участвуют в образовании МАК с семантикой возможности, невозможности, недопустимости, степени вероятности совершения действия, необходимости и долженствования.

В турецком языке выявлены следующие виды МАК:

1) конструкция «*mümkün / imkân* + служебный компонент *ol* + *ma* [отрицательная форма] + *-dik / -miş* [причастие прошедшего времени] + связка» участвует в образовании МАК с семантикой невозможности, недопустимости: *Akdeniz kıyılarına ulaştığını, o bölgelerin iklimini, orada bulunan insanların yaşayışını ve daha başka özellikleri okul kitaplarında ayrıntılı olarak anlatmanın mümkün olmadığını söyledi* (С. Aytmatov) 'Он сказал, что *невозможно* описать в школьных книгах то, как добираться до побережья Белого моря, о климате местности, об образе жизни людей, и других особенностях';

2) конструкция «*ol* + *maz* [отрицательная форма причастия *-ır*] + *değil* [модальное слово 'не', 'нет'] + связка» выражает в предложении степень вероятности совершения действия: *Bazen kaza da olmaz değildi* (R. Güntekin) 'Бывали случаи, когда *не* обходилось без аварий';

3) конструкция «*mümkün* + *ol* + *maz*» выражает невозможность совершения действия»: *Tebriz Kapısı'nın iç yüzünde eşsiz bir kapı ve yüksek iki minare vardır ki, bu minareler güneş gibi parlayıp ışık saçtıkta insanın gözü kamaşır, bir daha bakmak mümkün olmaz* (E. Çelebi) 'Фасад здания Тебрис Капы обладает уникальной дверью и двумя высокими минаретами, когда они переливаются светом лучей солнца, люди слепнут, так что *невозможно* еще раз взглянуть на них';

4) конструкция «*mümkün / lâzım + ol + ur* [причастная форма настоящего времени]» участвует в образовании МАК с семантикой возможности, обозначает обычный, постоянный характер действия или признака: *İnsan, her şeyi bilmeliymiş, sırasına göre yankesicilik bile lâzım olur* (R. Güntekin) 'Человек должен все знать и уметь, в нужный момент даже *допускается* занятие вора-карманника';

5) конструкция «*lâzım / lüzum(lu) + ol + an* [причастие с относительным временным значением]» передают семантику необходимости: *Onu görmek istemiyorsun, çünkü sana lâzım olan şey onun kendisi değil* (P. Safa) 'Ты не хочешь его видеть, потому что он не тот, кто тебе *нужен*';

6) конструкция «*mümkün + ol + dik +* аффиксальная связка + *kadar* [обозначает количество, степень, меру чего-либо 'насколько возможно', 'по возможности', 'по мере возможности']»: *Mümkün olduğu kadar sakın, heyecansız görünmeye çalışarak...* (R. Güntekin) 'По мере возможности он, стараясь выглядеть спокойным, уравновешенным...';

7) конструкция «*mümkün / imkân(ı) / gerek + ol + ma* [отрицательная форма] + *y* [спирант] + *an* [причастие настоящего времени]» выражает невозможность совершения действия: *İnsan mümkün olmayan şeyi istemek için kendini yormaz ve paralamaz* (S. Peyami) 'Человек не станет утомляться и прилагать усилия на дело, которое *невозможно* реализовать в жизни';

8) конструкция «*mümkün + ol + acak* [причастие будущего времени]» обозначает долженствование или потенциальную возможность: *Mekke ve Medine'ye varıp yaratılmışların övüncü olan Peygamber Hazretlerinin ravzasına yüz sürmek mümkün olacak mı diye üzülüp süzülürdüm* (E. Çelebi) 'Я расстраивался, думая о том, *будет ли возможность* при поездке в Мекку и Медину увидеть гробницу святых пророков, перевозивших творца';

9) конструкция «*madem(ki) + ol + muş* [причастие прошедшего времени]» передает степень вероятности совершившегося действия, семантику возможности: *Mademki olmuş, demek öyle lâzımmı, diye düşünür o* (P. Safa) 'Поскольку случилось, значит, так должно *быть*, подумал он';

10) конструкция «инфинитив + *lâzım / gerek +* связка 'нужно, необходимо': *Burası uzak, kuytuda unutulmuş bir yer, her şey kısıtlı,*

bunun için de çocuklarla çok ilgilenmek gerek (С. Aytmatov) ‘Это далекое захолустное место, здесь все ограничено, поэтому за детьми *нужно* пристальное внимание’;

11) конструкция «имя действия на *-ma* + аффикс принадлежности 3 лица единственного числа *-sl* + *gerek / lâzım* + связка»: *Bu tür meselerin Akdeniz bölgesi dışına çıkmaması gerektiğini düşünür* (H. Sapyüce) ‘Он считает, что проблемы подобного рода, *не должны выходить* за акваторию Белого моря’; *Zaten 1167’de olen Ahmet Yesevi ile 1682’de olen Evliya Celebi’nin arasında 13-15 ata bulunması gerekirken bunu 8 ata ile geçiştirmek de tamamen mantıksızdır* (E. Çelebi) ‘Однако между Ахметом Йесеви, умершим в 1167 году, и Эвлия Челеби, который умер в 1682 году, должно быть 13-15 отцов, вместо этого предположить восемь, как это делают они, вовсе не логично’;

12) конструкция «*lâzım* + служебный компонент *gelmek* (приходить, приезжать, прибывать откуда, достигать, подвергнуться чему, испытать что) + связка (в разных врем. формах)»: *Altı yaşında bir çocuğun epeyce şeylere akli ermesi lâzım gelir* (R. Güntekin) ‘Шестилетний ребенок к довольно многим вещам *должен* относиться сознательно’;

13) конструкция «модальное слово *gerek / ihtiyaç* (нужно, необходимо, надо, потребность, надобность) + служебный компонент *duymak* (чувствовать, ощущать, испытывать, воспринимать, узнать) + связка»: *Bu sese karşı müdafaa etmek gereğini duyuyordu* (P. Safa) ‘Он вообще *считал* необходимым защищаться перед этим голосом’;

14) конструкция «имя действия на *-mak / -ma* в сочетании с модальными словами» выражает объективную невозможность совершения действия: а) *mümkün değil* ‘невозможный’ + связка: *mümkün* + гл. *ol-mak* ‘быть, становиться’ в отрицательной форме: *Emine, bütün bir saat evin her tarafını altın zinciri bulmak ümidiyle arıyor... Altın zinciri bulmak mümkün değil* ‘Эмине целый час ищет по всему дому в надежде найти золотую цепочку... Найти ее *невозможно*’; б) *imkânsız* ‘невозможный’ + связка: *Raif Efendinin defterini ellerimle yok etmek benim için imkânsızdı* (P. Safa) ‘Для меня было *невозможно* уничтожить собственными руками тетрадь Раифа-эфенди’; в) *imkân yok* ‘возможности нет’ + связка: *Fakat hakikaten tarifine imkân yok* (R. Güntekin) ‘В самом

деле описать *невозможно*»; г) *imkân / ihtimâl* + аффикс принадлежности 3 лица + *yok* + связка: *Bir sene zarfında yaptığım bir kaç resimle geçinmek imkânı yok* (S. Ali) '*Невозможно* прожить на те несколько рисунков, которые я делаю в течение года'; д) *mümkün* + отрицательное слово *değil* '*невозможно*' + связка: *Belden büzmeli, bol siyah çarşafım, sımsıkı peçemle genç olduğumu anlamamak mümkün değildi* (R. Güntekin) '*Из-за затянутого в широкий черный чаршав от пояса (чаршав носят женщины в Турции при достижении соответствующего возраста. – О.С.), туго завязанного с покрывалом лицо (покрывало – на лице турецких женщин в Османской Турции, сейчас носят тюрбан), невозможно было различить мой молодой возраст*'; е) *imkân* + отрицательное слово *yok / imkân ver-* '*давать*' (в разных временных формах при отрицательном аспекте) '*невозможно*' + связка: *Karadan gemi yurutup bu kalenin fethedilmesi imkânsızdır* (E. Çelebi) '*С суши пускать судно и завоевывать эту крепость невозможно*';

15) конструкция «имя действия на *-mak* + *var* (есть, имеется) / *-mak* + *yok* (нет, не имеется)»: *Ölüm kışla göz arasında... Gidip te gelmemek var, gelip te bulmamak var* (H. Rahmi) '*Смерть наступает вдруг... Можно* уйти и не вернуться, *можно* прийти и не найти';

16) объективная возможность совершения действия выражается сочетанием соответствующих модальных слов с именем действия на *-mak*; имя действия на *-ma* образует с модальными словами в том случае, если имя на *-ma* с афф. принадлежности является косвенным дополнением к модальному сказуемому: а) *-mak mümkün* '*возможный*' + связка: *Halbuki dün den beri pek çok şeyler söylemek mümkündür* (S. Ali) '*Однако со вчерашнего дня возможно было* рассказать весьма о многом'; б) *-mak olur* '*возможный*' (*ol* – бытийный глагол '*быть, становиться*' + *-ur* – аффикс настоящего-будущего времени): *Buna güzel şekil vermek olur* '*Этому возможно* придать красивую форму'; в) *ihtimâl* '*возможно, вероятно*' + *ki*: *İhtimâl ki göğüsünden vurulmuştu* (S. Ali) '*Весьма вероятно, что* она была убита выстрелом в грудь'; г) модальное слово *mümkün* + служебный компонент *kılmak* (делать, совершать) + связка в модальном значении возможности: *Demiurg programının uygulanmasını mümkün kılacak bir faktör idi* (C. Aytmatov) '*Способствующий* применению на практике про-

граммы Демиурга есть один из факторов’;

17) конструкция «модальное слово *ihimâl / imkân* ‘возможность, вероятность’ + служебное слово *vermek* ‘давать, создавать, нести, подвергать’ + связка»: *Çünkü orada insan bir makina adam ve bir otomat değil, kabiliyetlerinin serbestçe gelişmesine her yaşta ve her meslekte imkân verilen mânevi bir şahsiyettir* (P. Safa) ‘Потому что человек там не техника, и не автомат, а нравственная личность, имеющая право свободно развиваться в любом возрасте и приспособляться к каждой профессии’;

18) объективная ненужность, бесполезность, несомненность, очевидность совершения действия выражается сочетанием имени действия на *-ma / -mak* с модальными словами: а) *-mak lüzumsuz / -mak mânasız* ‘ненужный, излишний, бесполезный, бессмысленный’ + связка: *Bence bir romanda tiplerin doğru ve yanlış olduğunu araştırmak lüzumsuzdur* (P. Safa) ‘По-моему, в романе бессмысленно искать, что является у героев правильным и что неправильным’; б) *-mak lüzum* ‘необходимость, надобность’ + *yok* (нет, не имеется) + (связка): ‘нет необходимости (надобности)’; в) *lüzum* ‘необходимость, надобность’ + *kalmak / görmek / bırakmak* (оставаться, остановиться, пробыть, довольствоваться чем, откладывать, видеть, не оставлять) + связка: *Tanrı'nın buyruğu ile Osmanlı Devleti'ne öyle bir düzen vermişti ki Rumeli'ye sefer etse Anadolu'dan asker almaya lüzum kalmazdı* (E. Çelebi) ‘По распоряжению Всевышнего, в Османской империи налажен такой порядок, что если совершать путешествие в Румелию, то с Анатолии брать солдат не было бы необходимости’.

В чувашском языке выявлено 23 МАК, из которых:

1) конструкция *-ас / -ес + кил; -ассăм / -ессĕм + кил-*; причастие на *-ас / -ес + те- / кил-* выражает хотение, желание, намерение, также возможность субъекта совершить какое-либо действие: *Çăкăрсем сав-сарă, хăпарса çеç пиçнĕ, халь тесен халь сисе пăхассăм килчĕ* (Н. Ильбек) ‘Пышно выпеченный хлеб так и хочется попробовать’; *Сирĕн патра та пырас тенĕччĕ, анчах ача чирлĕ пулнипе ниçта та тухаймарăм* ‘Хотел было навестить и Вас, но из-за болезни ребенка не смог выбраться’;

2) конструкция с именем действия на *-ма / -ме + тур(ĕ) кил; май кил- / тух-*; *май пар- / май пул-*; *май пур / май çук*: *Тен, хăш-пĕр кун пĕр хĕлхем апатсăр ыртрерме тĕл килĕ, – туррине турех*

калать пирён пуслӑх (В. Митта) 'Может быть, несколько дней нам придется провести без крошки хлеба, прямо сказал наш предводитель'; *Џук, ачасем, ан та ыйтӑр, май тухмасть* (Л. Агаков) 'Нет, ребята, даже не спрашивайте, не выйдет';

3) конструкция с именем действия на *-ма / -ме + кирлӗ*; *-на / -ни + кирлӗ*; на *-ма / -ме + тив* в разных временных формах выражают возможность, необходимость, неизбежность, надобность и вероятность совершения действия: *Ача-пӑчана ашиӗ-амӑшӗ мул париччен ӑс нама кирлӗ* 'Родители больше должны дать детям ум, чем богатство' (Ашм.); *Ку ырӑ чӗреллӗ сын пулма кирлӗ* (Л. Агаков) 'Должно быть, этот человек добродушный';

4) конструкция *-нӑ / -нӗ + пул* в форме повелительного наклонения; *-ам / -ем*; *-ас / -ес + нек (некки)* или со служебными компонентами: *ту, пул, туйӑн, курӑн*; *-анси / -енси + пул* или *ту*; причастие на *-мӑш / -мӗш + пул- / пер-*. Данные модальные конструкции выражают фиктивное, мнимое, инсценировочное или предположительное совершения действия: *Эсӗ инӗе сула кайса мӗн пур уксуна, мӗн пур япалусене йӑлт ҫухатнӑ пултӑр. Мӗн тӑвӑттӑн эсӗ вара?* 'Предположим, что ты уехал далеко от дома и потерял все деньги и вещи? Что стал бы ты тогда делать?' (Ашм.); *Хальхи юлташина нурпӗрех алӑк урлӑ каҫармастӑн, пӗлнӗ пул* (Н.Ильбек) 'Все равно теперешней твоей жене не разрешу переступить порог, знай это'; *Унта ачалӑх, ҫамрӑклӑх шавӗ илтӗннӗ нек туйӑнать* (В. Алендей) 'Кажется, там звучит голос детства, молодости'; *Вӑл чӑрсӑр ачана ҫав кун кунӗпех ял тӑрӑх шыраса ҫӑренӗ, анчах ятне никам та пӗлмен. Деҫатски те пӗлменҫи пулнӑ* (В. Митта) 'Того дерзкого (наглого) ребенка он искал по деревне целый день, однако имени его никто не знал. И Десятский тоже притворился, будто не знает';

5) конструкция *-нӑ / -нӗ + пулат*; *-нӑн / -нӗн*; *-ссӑн / -ссӗн + туйӑн* в разных временных формах; *-нӑ / -нӗ*; *-чӑ / -чӗ*; *-рӑ / -рӗ + курӑнать* выражают предположительность, допускаемость, совершения действия: *Хӑҫанчӗ-ха вӑл? Питӗ тахҫан... Унтанпа икӗ ӗмӗр иртнӗн туйӑнать* (А. Артемьев) 'Когда же это было. Давным-давно... Кажется, что с тех пор прошло два столетия'; *Вӑл та тухса кайма хатӗрленнӗ курӑнать* (В. Краснов-Асли) 'Никак, и он собрался домой';

6) конструкция с именем действия на *-ни + курӑнать*; *-ма / -ме*

+ *юрать* (отрицательный аспект – *юрамасть* ‘невозможность’); *-ма / -ме* + *пёл-*; *-ма / -ме* + *пултар*; *-ассам / -ессём* + *пур / сук*; с именами действия на *-ни / -сси / -лли* + *пур / сук*; инфинитивная форма на *-ма / -ме* + модальный предикат *пур / сук*; причастие на *-малла / -мелле* + *пул* (в прошлом, настоящем и будущем); причастие на *-ас / -ес* + модальный предикат *пур / сук* данные конструкции выражают необходимость, возможность (или невозможность, ненужность) совершения действия: *Писарь пурне те пёлес сук. Эпё выçай виçсен те ял тёрăх ыйткаласа сўрес сук* (А. Талвир) ‘Не должно быть, чтобы писарь всех знал. Лучше помру с голода, но не будет того, чтоб я пошел с протянутой рукой’; *Пуштаран вăхăтра, атту ирĕксĕрех васкамалла пулĕ* ‘Собирайся вовремя, иначе придется поспешить’; *Чĕлхе вĕçне мĕн килнине пурне те калама сук* ‘Нельзя говорить обо всем, что взбредет на ум (букв. на кончик языка)’; *Хĕлле кăна иуртра сўреме пур* (Ашм.) ‘Только зимой можно ходить через болото’.

В **заключении** изложены выводы, полученные в результате сравнительного анализа модальных слов и конструкций в турецком и чувашском языках.

Лексико-грамматическое значение модальных слов богато и разнообразно. Главное в них – оценочно-субъективная сторона, которая присуща группам модальных слов в разной степени. Модальные слова, выражающие предположение, сомнение, неуверенность и т.п. обладают в большей степени субъективно-оценочным моментом, они выражают не прямую, а так называемую косвенную модальность.

По своим синтаксическим признакам модальные слова и сочетания занимают особое положение. Они не имеют обычной логико-смысловой грамматической связи с членами предложения, лежат в иной плоскости, относясь к предложению в целом или к его части, или редко к его отдельному члену на уровне модально-синтаксических отношений. При этом абсолютное большинство модальных слов выражает, дополняет модальность всего высказывания, занимая свободное место в предложении.

Модальные слова и сочетания также тесно связаны с функционально-модальными типами предложений. При этом определенный круг модальных слов употребляется с тем ли иным типом предложений. Одной из отличительных синтаксических

черт модальных слов является то, что в диалоге они могут выступать в качестве слова-предложения. При этом по форме и интонации произношения представляют законченное целое предложение, а по своему значению выражают только модальность. Они обладают самостоятельным ударением и произносятся с обособленной интонацией в потоке речи.

В турецком языкознании модальные слова и сочетания, которые восходят к арабским праформам, не находят лексических соответствий в чувашском языке. Это объясняется тем, что на протяжении всей истории своего развития агглютинативный турецкий язык испытывал на себе сильное воздействие разносистемных языков и, прежде всего флективного арабского и аналитического персидского языков.

Изучаемые языки располагают богато представленной системой аналитических конструкций с модальной семантикой. В турецком языке МАК насчитывается 54, а чувашском – 26.

Система МАК имеет ядерно-периферийный характер. В каждой ее подсистеме выделяются конструкции, характеризующиеся нейтральной, самой общей семантикой возможности, необходимости, намерения и т.д. Они составляют ее ядро, так как нейтральность семантики позволяет им в разных контекстах передавать все отдельные оттенки общей семантики. Периферию каждой подсистемы занимают конструкции с конкретными модальными значениями.

По грамматическому типу конечного компонента выделяются МАК с именным модальным предикатом и МАК с глагольным модальным предикатом.

Особенностью МАК является то, что ее модальная семантика может быть задана конечным компонентом – модальным предикатом, которому для выражения модальной семантики необходимо сочетание с определенной инфинитной формой, либо формироваться всей конструкцией в целом.

Несмотря на разнообразие и обилие конструкций, на современном этапе развития турецкого и чувашского языков еще не установилась строгая привязанность определенной семантики к какой-либо одной конструкции, нет четкого противопоставления между МАК функциональной и нефункциональной возможности, объективной и субъективной возможности. Большинство

конструкций многозначно, существует синонимия между ними. Вместе с тем уже прослеживается тенденция разграничения МАК по выражаемым ими модальным значениям, что связано с процессом их систематизации и конвенционализации в речевой коммуникации.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Статья в издании, рекомендованном ВАК РФ:

1. Сорокина, О.В. Объективная модальность ирреального действия в чувашском и турецком языках / О. В. Сорокина // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары, 2010. – № 4. – 0,4 п. л.

Перечень статей, опубликованных в других научных изданиях:

1. Сорокина, О. В. Модальность предположения в турецком языке / О. В. Сорокина // Аспекты современных филологических исследований : межвузовский сборник научных трудов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 98-105.

2. Сорокина, О. В. Субъективная модальность желательного наклонения как морфологический способ выражения модальности в турецком языке / О. В. Сорокина // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья : материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 225-229.

3. Сорокина, О. В. Модально-аналитические конструкции с семантикой долженствования и возможности в турецком языке / О. В. Сорокина // Ашмаринские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 131-136.

4. Сорокина, О. В. Модальные причастные аналитические конструкции со служебным компонентом *ol-* в турецком языке / О. В. Сорокина // Инновации в теории и преподавании гуманитарных дисциплин: материалы Республиканской научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 56-66.

5. Сорокина, О. В. Хушăм сăмахсемпе конструкцисем / О. В. Сорокина // Аспекты филологических, педагогических, журналистских исследований : межвузовский сборник научных трудов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – С. 132-136.

Подписано в печать 26.05.2010. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 1,6. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 100 экз. Заказ № 327

Отпечатано в типографии

Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
428015 Чебоксары, Московский пр., 15.